

сознанию, что в конце концов на карте стоит судьба всего народа, и это предвиденье нашло свое ужасное подтверждение при вторжении татар. Государственный ум, учитывающий интересы простых слоев населения, готовность правителя отказаться от увеличения личной власти ради сохранения внутреннего мира должны быть неотъемлемыми качествами каждого князя. Иначе говоря, образ идеального князя, развитый русской литературой с XI по XIII в., содержит уже, кроме героической мужественности старого типа, целый ряд новых гуманистических черт.

Особенно интересен в этом отношении образ Владимира Мономаха, как он изображается в «Повести временных лет», в автобиографическом «Поучении», а также в письме к князю Олегу Черниговскому. Только значительных воинских походов у Мономаха было 83, на охоте он часто подвергал свою жизнь опасности. Но к этим героическим чертам присовокупляются еще и черты гуманистические, присущие связанному с народом князю. «Тоже и худого смерда и убогие вдовице не дал есм сильным обидети», — писал Мономах в «Поучении». А в 1103 г. на совете князей в Долобьске он говорил: «Дивно ми, дружино, оже лошадей жалуете, ею же кто ореть; а сего чему не промыслите, оже то начнеть орати смерд, и приехав половчин ударить ѿ стрелою, а лошадь его поиметь, а в село его ехав иметь жену его и дети его, и все его именье? То лошадь жаль, а самого не жаль ли?»³² Так и «золотое слово» Святослава и многие другие места «Слова о полку Игореве» поднимают этот столь важный с идейной стороны вопрос о моральных качествах идеального образа князя.

Вполне понятно, что поэты-декабристы в рамках их историко-философской концепции при использовании древнерусских материалов уделяли большое внимание проблеме идеального правителя. Интерес к этой проблеме должен был особенно усилиться после крушения восстания, когда обнаружилась неосуществимость близкой революционной перемены и оставалось только надеяться на реформы сверху. Эти надежды могли привести к попыткам непосредственного воздействия на Николая I (такую цель преследовали, например, усиленные занятия Пушкина образом Петра), но они могли носить также характер утопической программы, переносящей в прошлое с явной резиньязией крушение идеального образа, невозможного даже для современности. Образ идеального князя у поэтов пушкинской эпохи носит трагические черты, которые, хотя и исходят из исторических фактов (усобицы князей, вторжение внешних врагов), но являются вместе с тем непосредственным выражением опыта дворян-революционеров в их борьбе против абсолютной государственной власти.

Вполне согласуется с идеологией декабристов то обстоятельство, что поэты уже в период подготовки восстания, т. е. до 1825 г., делали первые попытки создания образа идеального правителя на материале древнерусской истории. Рылеев неоднократно связывал образ героического человека с просветительскими представлениями об идеальном правителе, например в думах «Ольга при могиле Игоря» (1822), «Рогнеда» (1822). Без какой-либо поучительной тенденции П. А. Катенин в своей поэме «Мстислав Мстиславич» (1819) преобразует народно-героические черты своего героя в положительные элементы агиографического стиля, переходя к философски обобщенной постановке вопроса об ответственности правителя пред своим народом. Князь Мстислав в высшей степени трагический герой; после битвы на Калке он упрекает себя:

³² Повесть временных лет, ч. 1, стр. 163 и 183.